

обращен, определенные реакции, склонить их к определенному поведению. Но юридический дискурс неоднороден, так как состоит из различных «слоев», которые отличаются друг от друга степенью официальности и индивидуализации. Ядром юридического дискурса является язык закона, который плавно переходит в периферийные области, связанные с различными социальными сферами: профессиональная деятельность юристов, публицистика, бытовое общение, художественное творчество. В таких случаях юридический подстиль взаимодействует с другими функциональными стилями языка, что влечет использование особых языковых средств. Однако, несмотря на это, для текстов юридического дискурса, порожденных в различных коммуникативных ситуациях характерно: а) соблюдение определенных правовых и языковых требований, таких как культура речи, смысловая точность и цельность, последовательность изложения, композиционная четкость; б) использование речевых клише; в) использование юридических терминов, многие из которых представляют собой сложные слова и словосочетания, значение которых отличается от значения отдельных слов, входящих в их состав.

Анализ текстов юридического дискурса позволил выявить языковые различия во французском и русском языках и способы передачи одной и той же юридической информации в одной и той же коммуникативной ситуации с одного языка на другой, выражающиеся в грамматических (35%), лексических (29%) и синтаксических (36%) преобразованиях. Основными способами адекватной передачи лексических структур является конкретизация (31%), грамматических структур – выражение артикля (39%), синтаксических структур – изменение субъектно-объектных отношений (41%).

Изучение коммуникативно-прагматических и языковых характеристик позволило заключить, что юридический дискурс представляет собой целый комплекс признаков, которые зависят от поставленной цели и выражения намерения в соответствии с ситуацией и образуют таким образом дискурсивно-коммуникативные модели, четко выражающиеся в различных социальных сферах коммуникации.

©БГУ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Е.А. ЛАРИОНОВА, Е.Е. ДОЛБИК

A category of Definite and Indefinite in Russian and Polish is a semantic category. It is a linguistic universal. It reflects national circumstances, the mentality of peoples. The category Definite and Indefinite is expressed implicitly in Russian and Polish. However the means of expression of this category are expressed on the phonetic, lexical, morphological, syntactic levels. Accent-prosodic means of expression category (Phrase intonation) are center of the field of Definite and Indefinite in Russian and Polish. Center of pronominal form are indefinite and demonstrative pronouns. The texts of modern drama have a destruction of the opposition Definite and Indefinite. This category is one of the style-forming for poetic texts. The specificity of functioning of this category in newspapers depends on the genre newspaper text. There are not indefinite pronouns, there are demonstrative pronouns, replays, complex sentences with subordinate attributive in the news. There are indefinite pronouns, metaphorical expressions, zero positions in problematic articles

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, категория определенности/неопределенности, теория функциональной грамматики

1. ВВЕДЕНИЕ

Человек в своей деятельности постоянно сталкивается с определенностью и неопределенностью, с процессами их взаимопревращения. В познавательном процессе человек стремится снять существующую неопределенность, уменьшить количество своих предположений, догадок и тем самым получить определенное, достоверное знание. В своей практической деятельности человек имеет дело с процессами выбора из некоторого множества возможностей, с реализацией лишь одной из них.

В настоящее время философами, лингвистами и другими учеными осознается важность категорий определенности и неопределенности для познания действительности. Определенность и неопределенность характеризуют как объективную действительность, так и отражение ее в формах деятельности субъекта и рефлексию самой этой деятельности. Всеобщность, гносеологический охват весьма широкого круга предметов этими понятиями дополняется и достаточной их содержательностью, что позволяет использовать их в качестве методологически эффективных средств научного познания.

В современном постоянно меняющемся мире вопрос об определенности в жизни, уверенности в завтрашнем дне стоит крайне остро для каждого человека. Во время смены эпох, катаклизмов, ускорения темпов развития социального развития проблема определенности и неопределенности является очень важной как для одного человека, так и для общества в целом. Определенность и неопределенность являются не просто частью данных тенденций, но также и средством их постижения. Таким образом, познание и осмысление данных категорий весьма своевременно и актуально.

2. КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В лингвистике категория определенности/неопределенности (О/НО) является одной из основополагающих категорий языка. Наряду с категориями качества, количества, действия, состояния она считается языковой универсалией, т. е. присущей языку вообще и имеющей специфические средства выражения в каждом отдельно взятом языке. Русский язык относится к безартиклевому языку, поэтому категория О/НО выражается с помощью целого ряда разноуровневых языковых средств.

В. Гладков отмечает, что ФСП О/НО в русском языке представляет собой «тип поля, характеризующегося сложной полицентрической структурой» [1, с. 242]. Так, в структуре рассматриваемого поля исследователь выделяет следующие сферы функционирования О/НО:

1. Порядок слов и фразовая интонация.
2. Оппозиция винительного и родительного падежей. Выбор позиции родительного или винительного падежей, где родительный падеж существительного в позиции прямого дополнения передает неопределенное значение, а винительный – значение определенности.
3. Выбор родительного или винительного падежей в позиции дополнения в отрицательных конструкциях. При этом родительный падеж связывается со значением неопределенности, а определенное значение – с винительным падежом.
4. Выбор родительного и именительного падежей в предложениях типа а) Птиц больше не появлялось; б) Птицы больше не появились.
5. Совершенный вид глагола передает неопределенное значение, а значение определенности связано с несовершенным видом глагола.
6. Значение неопределенности может передаваться множественным числом имени, когда существительное обозначает единичный предмет.

7. Система определенных и указательных местоимений.

В. Гладков выделяет в поле О/НО два явно выраженных, но неравноправных центра. Это, во-первых, линейно-интонационный центр, который связан с актуально-коммуникативной стороной высказывания, и, во-вторых, центр, образованный местоименными детерминативами [1, с. 242-243].

3. КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В польском языкознании нет единого мнения по поводу понимания данной категории и средств ее выражения. В польском языкознании исследование категории определенности/неопределенности проводится в двух основных направлениях.

Первое связано с теорией референции П. Ф. Стросона. Большинство традиционных трактовок относит категорию О/НО к именной группе, в которой в большинстве языков есть свое формальное средство выражения – определенный или неопределенный артикль. Данное направление представляет Z. Topolińska. Она сосредотачивает внимание на номинативной группе, в рамках которой описывает лексические средства выражения О/НО [2]. Согласно ее терминологии, категория *wyznaczości/niewyznaczości* представляет собой семантическую категорию, обслуживающую именную группу.

Второе направление исследований категории О/НО в польском языке относится в большей степени к логической квантификации, связанной с теорией дескрипции, известной из работ Б. Рассела.

V. Koseska-Toszeва в ряде работ [3, 4] описывает уровень предложения, в котором анализируются средства фразы номинативной и вербальной. Исследователь принимает семантическую основу выражения категории. Семантику О/НО V. Koseska-Toszeва рассматривает с точки зрения кванторной модели описания. V. Koseska-Toszeва развивает теорию сильных и слабых квантификативных значений, детально анализирует группу имён и глаголов [5, с.29-30]. Количественный подход, основанный на принципе выделения из множества, встречается в работах О. Бегаеля, Бранда.

Так, категория О/НО трактуется как категория предложения, обозначающая объем информации, содержащейся в предложении, не определенный, экзистенциальный, или общий, или как определенный (единичный). Согласно этому определению, исследователь также описывает средства выражения категории: морфологические, лексические и синтаксические.

V. Koseska-Toszeва трактует основную семантическую оппозицию О/НО как противопоставление единственности / неединственности (общности, экзистенциальности). Например, 1) единственность элемента: *Ten człowiek jest z naszej wsi.* 'Этот человек из нашей деревни', 2) единственность множества: *Każdy człowiek i tylko on jest osobą myślącą i rozsądną.* 'Каждый человек мыслит и обладает разумом' 3) всеобщность: *Człowiek jest śmiertelny* 'Человек смертен'. Эта трактовка, однако, касается и вопроса индивидуализирующего (референтного) и генерализирующего (нереферентного) употребления имени и его связи с О/НО.

В своих работах V. Koseska-Toszeва приходит к выводу, что средства выражения О/НО в русском и польском языках практически совпадают. Она отмечает, что в сравнении с польским *ktokolwiek* русское *кто-нибудь* употребляется чаще.

Некоторые исследователи выделяют также качественную общность. R. Roszko говорит об общности универсальной как об одной из возможных [5, с. 30].

Разделение на общность и экзистенциональность отображает типичное для языка явление градации. В данном случае градация связана с плавным изменением объема элементов (объектов, положений, явлений), которые являются предметом исследования.

4. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

О/НО представляется сложной и тонко организованной категорией. Можно говорить о специфике функционирования данной категории в текстах современной драматургии, где зачастую наблюдается разрушение оппозиции О/НО, что в некоторой степени доказывает самостоятельность функционирования микрополя НО.

Разрушение данной оппозиции наблюдается и в пьесе А. Курейчика «Потерянный рай». Вместо собственных наименований Каин и Авель в первом действии автор употребляет обобщенные сын, брат, которые выступают в неопределенном значении, хотя для читателя, который опирается на традиционную трактовку мифа, данные лексемы выражают определенные понятия. Например, Ева говорит: Послал Бог нам с отцом твоим двух сыновей: одного дикого, чтобы утешить меня ...И тебя, ангела, чтобы утешал нас и утолял печали. Для читателя первая характеристика принадлежит Каину, вторая – Авелю. Однако данная оппозиция разрушается в конце первого действия, когда Ева обращается к сыну по имени: На вот, Каин, я тебе припасла лучший кусок. Это создает эффект неожиданности, шокирования. Генерализирующее употребление имен сын, брат, мальчик создает «обманный» эффект определенности. Так, данное употребление семантемы «неопределенная определенность» создает ощущение, что речь идет об определенных объектах.

В классических же пьесах, например, в пьесе А. П. Чехова «Три сестры», как правило, четко разграничиваются микрополе О и микрополе НО, поэтому данную пьесу мы рассматривали в сопоставительном аспекте, анализируя ее перевод на польский язык, где категория О/НО также выражается имплицитно. В оригинальном тексте пьесы и в ее переводе не всегда наблюдается корреляция между средствами выражения определенности и неопределенности в польском и русском языках. В целом, для перевода характерна большая определенность, которая возникает в результате опущения неопределенных местоимений, появления указательных местоимений.

В поэтическом тексте категория определенности/неопределенности является важным средством создания особого художественного мира произведения. Авторы прибегают к нарушению данной оппозиции – смещению и взаимопроникновению микрополя определенности и микрополя неопределенности. В переводах на польский язык неопределенные и указательные местоимения могут опускаться или же, напротив, могут появляться лексемы, которых не было в оригинале, что влечет за собой изменение смысла (утрата некоторых оттенков смысла либо появление новых).

Исследуемая категория является одной из самых важных при характеристике стиля А. Ахматовой.

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что, как правило, личные местоимения 1-го и 2-го лица в переводах опускаются, в то время как в оригинальном тексте местоимения зачастую являются ключевым семантическим элементом.

Так, в стихотворении «Божий ангел, зимним утром...» ключевым является личное местоимение мы и притяжательное местоимение наш (пять словоупотреблений: нас – нашей – мы – мы – наши).

Благодаря этому создается особый интимный мир двоих – лирической героини и ее возлюбленного: *наши разлуки, наша жизнь, мы любим небо*. В польском же переводе Збигнева Дмитроца сохраняется только два местоимения *nas* и *naszych*.

Оригинал	Польский перевод	Подстрочник
Божий ангел, зимним утром	Anioł Boży mroźnym rankiem	Ангел божий морозным утром
Божий ангел, зимним утром	Potajemnie nas połączył	Тайно нас соединил
Тайно обручивший нас,	I nie spuszcza ciemnych oczu	И не спускает темных глаз
С нашей жизни беспечальной	Z naszych dni niefrasobliwych	С наших неспокойных дней.
Глаз не сводит потемневших.	To dlatego tak kochamy	Вот почему мы так любим
Оттого мы любим небо,	Niebo, wiatr, powietrze rzeńskie	небо, ветер, воздух резкий
Тонкий воздух, свежий ветер	I konary czerniejące	И ветви, чернеющие
И чернеющие ветки	Za żeliwnym ogrodzeniem.	За чугунной оградой.
За оградой чугунной.	To dlatego tak kochamy	Вот почему мы так любим
Оттого мы любим строгий,	Ciemnowodne srogie miasta,	Тяжелые, темноводные города,
Многоводный, темный город,	Pokochaliśmy rozstania	Полюбили разлуки
И разлуки наши любим,	I godziny krótkich spotkań.	И часы коротких встреч.
И часы недолгих встреч.		

В строках *Оттого мы любим строгий, / Многоводный, темный город...* за лексемой город, очевидно, стоит определенный город – Петербург, который восстанавливается на основании вертикального контекста, пресуппозиционных знаний. В переводе же вместо единственного числа употреблено множественное, в результате чего строчки приобретают обобщенное значение:

Отсутствие местоимения *мы* в польском тексте разрушает закрытый мир лирической героини и ее возлюбленного, переводя его в обобщенный план:

Оригинал	Польский перевод	Подстрочник
И разлуки наши любим, И часы недолгих встреч.	Pokochaliśmy rozstania I godziny krótkich spotkań.	Полюбили разлуки И часы коротких встреч.

Доминирует значение неопределенности, которое и создается формой множественного числа прошедшего времени.

В стихотворении М. И. Цветаевой наблюдается обратное. В оригинальном тексте отсутствует личное местоимение *я*, в переводе же оно появляется:

Оригинал	Польский перевод	Подстрочник
Из самых недр — как на смерть осужденный, Своей рукой пишу:	Aż z głębi, z wnętrza, jak na śmierć skazaniec, Ja własną ręką piszę:	Из глубины, изнутри, как на смерть осуждённый, Я собственной рукой пишу.

Таким образом, в польском переводе наблюдается определенность субъекта, четкое противопоставление лирического героя и автора произведения.

Анализ русских поэтических текстов и их переводов на польский язык позволяет сделать вывод, что категория определенности/неопределенности является одним из стилиобразующих средств в поэзии. С грамматической точки зрения наличие местоимений *я*, *ты*, *мы*, *вы* при глаголах настоящего/будущего (а для польского и прошедшего) времени является избыточным: лицо маркируется формой глагола – личным окончанием, создавая значение определенности. В поэтическом тексте эти местоимения не только не являются избыточными, но несут на себе основную смысловую нагрузку. Опускание или введение личных местоимений в переводах зачастую изменяет смысловую нагрузку произведения. Некоторые пласты смыслов нивелируются, редуцируются, или же, напротив, в переводе появляются новые оттенки смыслов, отсутствующие в оригинале.

5. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ / НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В текстах печатных СМИ категория О/НО выполняет текстообразующую и актуализирующую функцию, функцию привлечения внимания читателя, интригующую [6, с. 11].

В публицистике средства выражения категории определенности / неопределенности важны для построения самого текста. Благодаря им строится логически выверенный, четкий, последовательный текст. Особенно это актуально для таких жанров, как новости, заметки, отчеты, репортажи, текст которых отличается ясностью и четкостью. Главная функция таких текстов – передать информацию, снять функционирующую в начале текста неопределенность.

Функционально-семантическое поле определенности / неопределенности в текстах печатных СМИ представлено системой разноуровневых средств. Общими для русского и польского языков являются эксплицитные средства, которые выполняют в тексте актуализирующую и текстообразующую функцию. Повторы, СПП с придаточными определительными, изъяснительными, указательными местоимения представляют микрополе определенности. Незамещенность синтаксических позиций, неопределенные местоимения и местоименные наречия, слова с опустошенной семантикой, существительные с обобщенным значением, метафорические выражения служат для выражения семантики неопределенности. Различия заключаются в том, что в русском языке немаловажную роль при выражении определенности/неопределенности играет порядок сов. Русский язык предполагает большую свободу в расположении лексем, однако инверсионное расположение маркируется как нетипичное, оно, как правило, является средством выражения дополнительной семантики. *Тем более, когда доход этот губернатора....* В польском тексте такой порядок слов не несет дополнительной экспрессивной окраски *O ile w prawie emerytalno-rentowym rzecznik zasady tej nie kwestionuje ...* (Сколько представитель в пенсионном праве не отрицает этого правила..).

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проанализированного материала можно говорить о большом разнообразии средств выражения категории О/НО в безартиклевых (русском и польском) языках. Кроме того, следует от-

метить, что в русском языке выражение категориальной семантики неопределенности характеризуется большим разнообразием местоименных и лексических средств, а также «неопределенных» синтаксических конструкций. Это, по мнению исследователей, связано с особенностью русской картиной мира, русского мышления, менталитета, для которого характерно стремление к неточности, неясности выражения.

Литература

1. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива. Определенность/неопределенность / Рос. АН, Ин-т лингвист. исслед. – СПб.: Наука, 1992. – 304 с.
2. Topolińska, Z. Struktura słowiańskiej frazy nominalnej / Z. Topolińska. – Warszawa: Z polskich Studiów slawistycznych, 1975. – S. 47-54.
3. Koseska-Toszeza, V. Informacje o określoności we frazie nominalnej i werbalnej języka bułgarskiego, polskiego i rosyjskiego / V. Koseska-Toszeza // *Slavia Orientalis*. – 1978. – № XXVI.1 – S. 259 – 267.
4. Koseska-Toszeza, V. Kategoria określoności-nieokreśloności a kwantyfikacja na gruncie języka naturalnego / V. Koseska-Toszeza. – W.: Od kodu do kodu, 1986. – s. 43 – 51.
5. Roszko, R. Semantyczna kategoria określoności-nieokreśloności w języku litewskim: w zestawieniu z językiem polskim / R. Roszko. – Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2004. – 369 s.
6. Кацитадзе, И. М. Категория О/НО существительных: функционально-семантический анализ средств ее выражения в русских и немецких газетных текстах: автореферат на соискание ученой степени к-та филол. наук: 10.02.19 / И. М. Кацитадзе; Педагогич. институт ФГОУ ВПО «Южный федеральный ун-т». – Ростов-на-Дону, 2008. – 21 с.

©МГЛУ

АДЕКВАТНОСТЬ И ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ПЕСЕН

Ю.А. ЛЕСНОЙ, С.А. ИГНАТОВА

The article deals with the problem of equivalent translation of songs. The author analyses the priority of various components of song lyrics in terms of translation and highlights a number of principles used in translation of songs

Ключевые слова: адекватность, эквивалентность, песенный текст, песня, коммуникация, ритм, рифма, образ, исходный язык, переводящий язык

Музыка и песни являются неотъемлемым компонентом любой культуры, однако перевод песен в современном мире получил намного меньшее развитие, чем, например, перевод литературных произведений. Возможно, это связано с тем, что этнические песенные жанры, наиболее точно характеризующие какую-либо конкретную культуру, во многом основываются именно на особенностях языка и при переводе определенной этнической композиции на другой язык теряется одна из ключевых составляющих, без которой это произведение перестает быть показательным по отношению к данной культуре. Песни, обладающие меньшей «культурной окраской» вполне подходят для перевода, поскольку ключевым компонентом в них является уже не постоянный культурный, а субъективный эстетический элемент.

Песенный текст характеризуется двухчастной структурой, свободной метрикой, преимущественно стандартными способами рифмовки и частотностью параллельных конструкций.

Минимальным требованием к переводу текста песни является передача цели коммуникации оригинала, то есть его эстетической функции. Однако, если сохранить только благозвучие произведения, но при этом, утратить все образы и символы, использованные автором, то результат работы уже нельзя будет назвать переводом. Он скорее будет напоминать самостоятельное произведение, написанное под впечатлением от того, что изначально планировалось перевести. Значит, для того, чтобы говорить о полученном тексте как о переводе конкретной песни, такого уровня эквивалентности недостаточно. Следовательно, при переводе текста песни всегда желательно как можно точнее передать отдельные образы, хотя приоритетом все же следует считать передачу основного смысла песни, ее атмосферы, настроения и мысли автора. Изначально важно помнить о том, что работа переводчика над художественным текстом полностью оправдана только тогда, когда ему на самом деле близка позиция автора.

При переводе песен также необходимо принимать во внимание стилистические особенности и грамматическую структуру исходного и переводящего языков. Длина слов, их слоговая структура, в английском и русском языке существенно отличается. Учитывая строгие рамки, связанные, в первую очередь, с необходимостью сохранения рифмы, ритма и мелодии песни, логично предположить, что достижение высокого уровня эквивалентности при переводе англоязычной песни на русский язык – задача сложная и зачастую невыполнимая. Полное содержание английского текста, переданное на русском языке, просто не помещается в заданный ритмический «скелет».

Минимальные отступления от оригинального ритмического рисунка возможны при условии, что сочетаемость текста с музыкой не будет значительно нарушена.